

3. БЕРЕЗАНСКАЯ С. С., ОТРОЩЕНКО В. В., ЧЕРЕДНИЧЕНКО Н. Н., ШАРАФУТДИНОВА И. Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. — К.: Наукова думка. — 1986. — 165 с.

4. КОВАЛЕВА И. Ф. Срубные курганы Присамарья//Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. — Тезисы докл. научн.-практич. конф. — Луганск. — 1990.

5. ОТРОЩЕНКО В. В. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры)//Обряды и верования древнего населения Украины. — К.: Наукова думка, — 1990.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОРНАМЕНТА НА СОСУДЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ БЛИЗ ГОРОДА ВАСИЛЬЕВНА ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В. Н. АНДРЕЕВ, О. В. ТУБОЛЬЦЕВ

В 1984 г. археологической экспедицией Института археологии АН УССР, при участии кружка археологов областной станции юных туристов был раскопан курган в составе группы насыпей, расположенных в урочище Лысая Гора *a* 5 км западней от г. Васильевки Запорожской области. Здесь выявлено восемь разновременных погребений. Исходя из общей хронологической картины можно утверждать, что основным было катакомбное погребение № 3, над которым была сооружена первоначальная насыпь высотой 0,5 м и диаметром 6 м. Затем в курган были впущены три срубные захоронения (1, 2, 4) и одно кочевническое (п. 5).

К моменту раскопок насыпь была сильно распахана и курган можно было выявить только по светло-глиняному пятну диаметром 7—8 м. Исследование кургана проводилось вручную, тремя траншеями с оставлением контрольных бровок (рис. 1.1).

Погребение 1 — срубное (рис. 1.2) обнаружено в 3 м южнее репера на глубине 0,37 м. Контуры ямы не прослежены. Погребенный лежал в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Костяк сильно разрушен. У черепа находились фрагменты дна сосуда (1).

1. Фрагменты дна лепного сосуда с примесью шамота в тесте. Обжиг хороший: т светло-коричневого до темно-коричневого.

Погребение 2 — ерубное (рис. 1.3) обнаружено в 0,3 м северней репера на глубине 1,18 м. Контуры ямы не прослеживались. Положение погребенного скорченно на левом боку, головой на север. Костяк сильно разрушен грызунами.

Погребение 3 — катакомбное, основное (рис. 1.4) обнаружено в 1 м севернее репера, на глубине 0,92 м. Входной колодец в плане подовальной формы, несколько суженой с восточной стороны. Глубина входного колодца 0,51 м, дно покатое. Погребальная камера, соединенная с колодцем широким, 0,7 м дромосом, закрыта известняковой плитой 0,8X0,5 м без видимых следов обработки. На дне дромоса сделана небольшая ступенька 0,15 м высотой. Погребальная камера неправильной подовальной формы 1,15X1,4 м вытянута по линии север—юг. Скелет погребенного лежал скорченно на спине головой на юг. Кости рук вытянуты вдоль туловища, колени завалились в правую сторону. У черепа находился лепной сосуд (1).

1. Лепной сосуд с яйцевидным дном (рис. 1.5). Обжиг сильный, равномерный. Венчик укорочен и слегка отогнут наружу, вся внешняя сторона орнаментирована расчесами гребчатого штампа. Высота сосуда 14 см, диаметр венчика 10 см.

Погребение 4 — срубное (рис. 2.1), обнаружено в 3 м восточнее репера на глубине 0,8 м. Погребенный подросток лежал скорченно на левом боку, головой на восток. Руки согнуты в локтях и уложены кистями перед лицом. Кости рук согнуты в

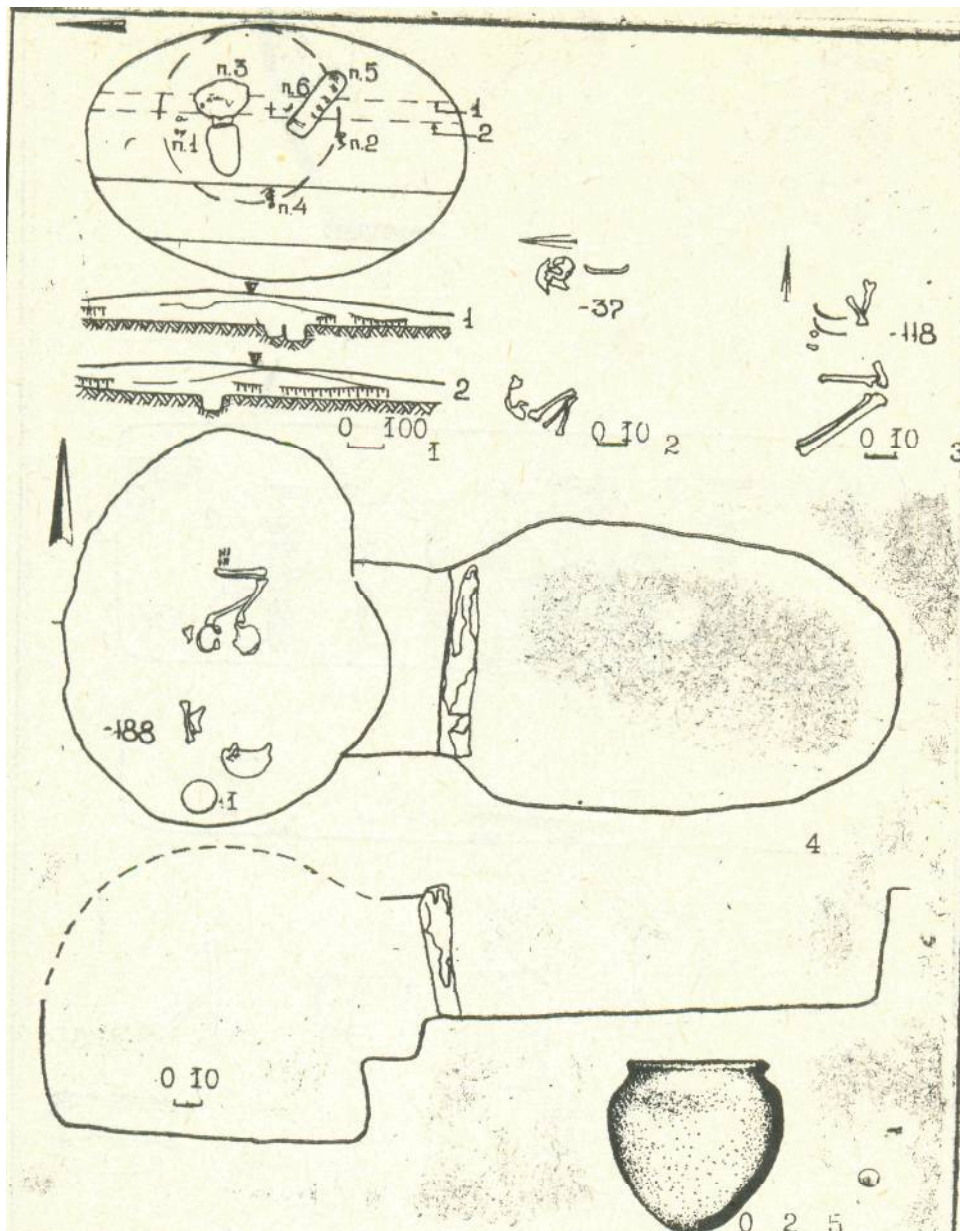

Рис. 1. 1 — план кургана; 2—погребение 1; 3 — погребение 2; 4, 5 — план и материал погребения 3.

суставах на уровне черепа. Рядом найден лепной сосуд (1).

1. Сосуд баночной формы (рис. 2.2), край венчика слегка уплощен и загнут вовнутрь. Тесто без видимых примесей, обжиг хороший: от светло- до темно-коричневого. Стенки и дно сосуда сильно залощены. С внешней стороны дно сосуда покрыто большим количеством выбоин, образовавшихся в результате его использования. На нижней части сосуда сохранились пятна золы.

Погребение 5 — кочевническое (рис. 2.3) обнаружено в 1 м северной условного центра кургана на глубине 0,87 м. Совершено в подпрямоугольной яме вытянутой по *тени* северо-запад—запад—восток—юго-восток. Погребенный уложен на каркасный настил из восьми поперечных и двух продольных плах. В верхней части яма

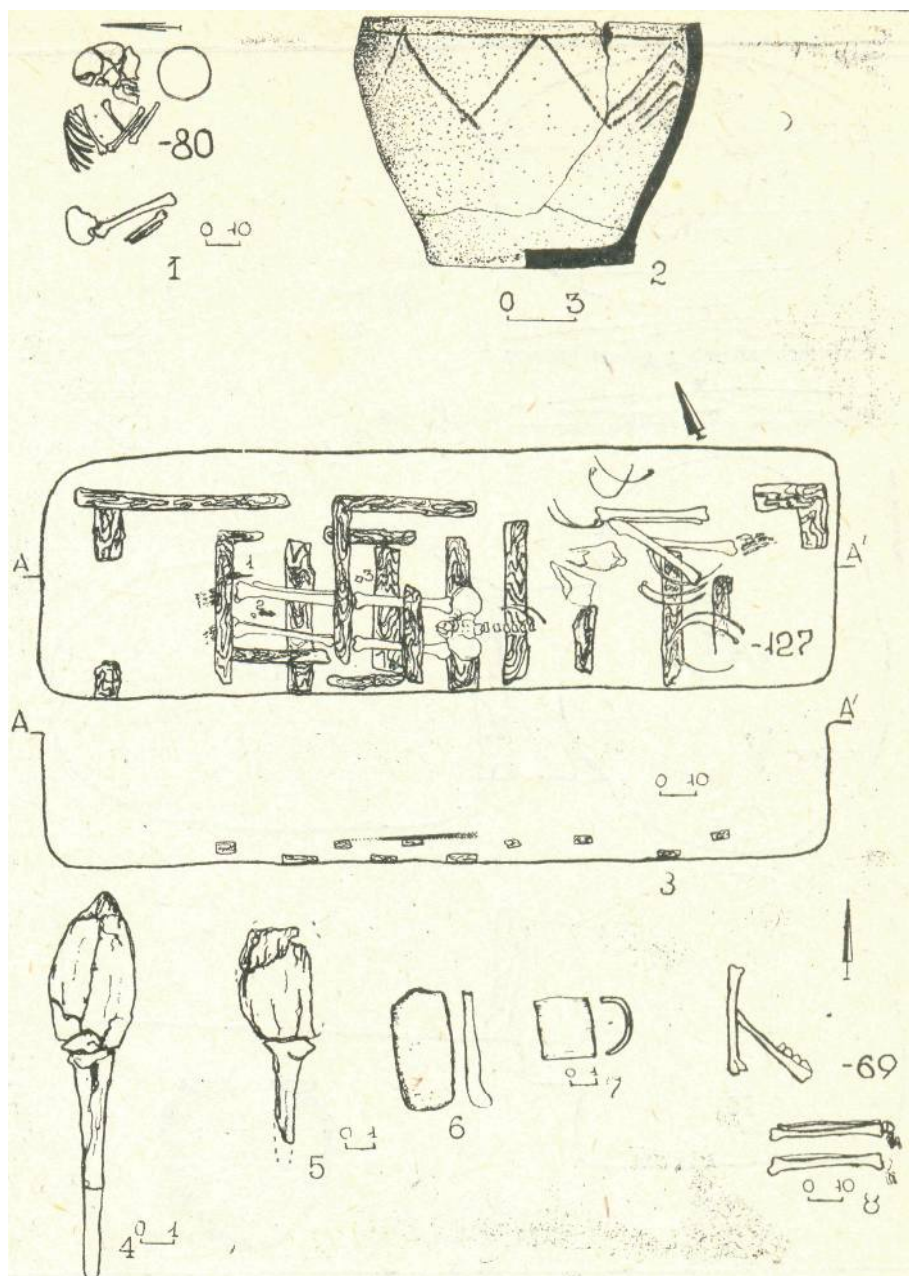

Рис. 2. 1, 2—материал и план погребения 4; 3—7 — материал и план погребения 5; 8— погребение 6.

перекрывалась отдельными деревянными брусками. Костяк уложен вытянуто на спине головой на ЮВВ. Рядом с тазом найдено два железных наконечника стрел (1), между стоп небольшой подпрямоугольный оселок (2), у правого колена костяная обоймочка (3).

1. Два железных черенковых лавровидных наконечника стрел. Общая длина сохранившейся части 5,5 см, длина черенка 0,38 см.

2. Каменный оселок подпрямоугольной формы (рис. 2.6).

3. Костяная обоймочка (рис. 2.7). Сделана из обрезка распила кости. Длина 1,65 см, высота 0,7 см.

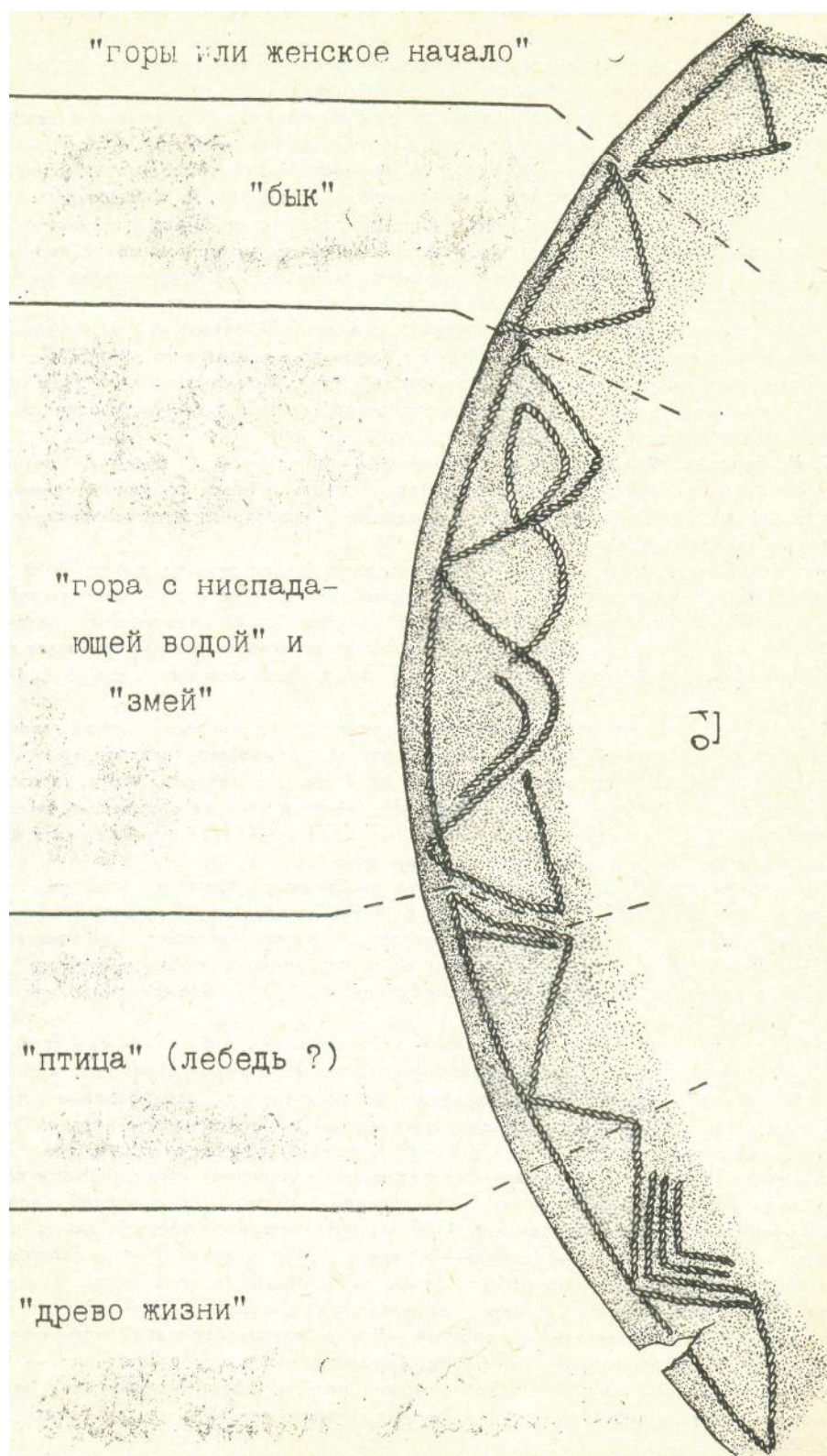

Рис. 3. Развертка орнамента сосуда из погребения 4,

Погребение 6 — неопределенное (рис. 2,8). Обнаружено в 1 м восточнее репера на глубине 0,69 м. Костяк сильно разрушен вспашкой. Рядом с костями ног находились отдельные кости животного.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет сосуд из погребения 4 (рис. 3) с нанесенным перевитым шнуром орнаментальным фризом.

Изучению загадочных знаков, элементов изобразительности на керамике срубной культуры посвящен ряд опубликованных работ. Большинство авторов склоняются к гипотезе, высказанной еще в 1907 г. В. А. Городцовым, о существовании у племен срубной культуры письменности. Изучая данную проблему, А. А. Формозов высказал предположение, что начало письменности могло складываться на местной основе от геометрических начертаний, в первую очередь от орнамента на керамике (1, с. 193—200). Однако, данная схема происхождения письменности у срубных племен, как показали дальнейшие исследования, не является абсолютной.

В 1971 г. вышла работа Г. Ф. Турчанинова, в которой автор попытается прочесть надгаиси на сосудах с помощью арамейского алфавита и осетинского языка (2, с. 49—59). Прочтение, по мнению А. А. Формозова, просто «фантастическое» (3, с. 148), Г. М. Бурова — неудачное из-за полного несовпадения» палеографических и археологических датировок (4, с. 73).

Г. М. Буров в 1976 г. писал о срубном «фразеологическом письме», которое следует сблизить с пиктографическим, определив его особым термином «символография» (4, с. 73—75). Также им была предложена интересная трактовка некоторых знаков на срубной керамике.

Интерес в изучении проблемы срубной культуры представляют работы В. В. От-рошен-ко об элементах изобразительности в срубной культуре и о письменах срубников (5, с. 72—81), в которых автор говорит о трех путях возможного развития срубной письменности, предлагает интересные статистические данные, намечает первую классификацию знаков и предпринимает прочтение некоторых из них (3, с. 149—178).

В связи с изучением данного вопроса, а также космогонических представлений и религиозных верований эпохи поздней бронзы, по мнению авторов, интерес представляет сосуд из срубного погребения № 4. Орнаментальный фриз на сосуде ограничен сверху непрерывной горизонтальной линией и нанесен с помощью оттисков перевитого шнура. Все изображения переданы в виде орнамента, нанесенного в форме углов, направленных вершинами вверх или вниз.

Прежде чем приступить к рассмотрению изображений, хочется отметить, что определенные трудности представляет их описание и идентификация, ввиду символичности, условности, производным от которых может являться субъективный, ошибочный взгляд на них. Поэтому авторы готовы принять любые разумные замечания и поправки, касающиеся как определения самих изображений, так и их интерпретации.

Центральное место среди изображений занимает «голова быка» — единственный элемент, возвышающийся над орнаментальным фризом. Символ передан с помощью равнобедренного треугольника, повернутого вершиной вниз, две боковые линии при этом слегка закруглены, передавая овал морды и продолжены в верхней части над уровнем фриза, образуя рога животного. С правой стороны от «быка» помещено изображение «змеи в потоке воды, ниспадающей с вершины горы». «Змея» передана зигзагом, завершающимся овальной головой. «Гора с ниспадающей водой» изображена в виде равнобедренного треугольника вершиной вверх и двумя дугообразными линиями. «Птица» (лебедь—?) передана при помощи угла и параллельных линий, отпечатанных под острым углом относительно друг к другу. В основу туловища положена ломаная линия, от подножия которой поднимается длинная шея, увенчанная подтреугольной головкой. «Древо жизни» передано четырьмя углами вверх, расположенными «елочкой». Следующий элемент композиции — острый угол вершиной вверх (что условно можно назвать «горой») сливается с равнобедренным треугольником вершиной вниз — символом женского начала, плодородия (6, с. 272—273).

Очевидно, что на сосуде мы имеем дело с так называемыми орнаментизированными изображениями, где выдерживается классический для этого времени стиль из повторяющихся углов. Поэтому на наш взгляд правильно было бы рассматривать

этот орнамент, как объединение вписанных в него рисунков-символов, вероятно связанных единым смыслом.

Изображения быков или их символов на сосудах известны в Северном Причерноморье еще с эпохи энеолита (7, с. 25). Горизонтальная линия, ограничивающая орнаментальный фриз и связанная с «головой быка», вероятно, символизирует небесный свод. «Древо жизни» на сосуде изображено с помощью углов и имеет аналогии из керамике КМК и срубной культуры (8, с. 57). Так, похожее «древо жизни» есть на бронзовой оковке деревянной чаши, найденной у с. Великая Бело зерка Запорожской области (9, с. 14). Аналогичные нашему, изображения водоплавающей птицы, трактуемые В. В. Отрощенко как лебеди (?), известны по находкам сосуда из кургана у деревни Полянки Куйбышевского р-на Татарской АССР, обломка Цилиндрического глиняного пряслица с Кемеровского поселения у Моечного озера на стенке которого нанесены силуэты трех птиц (5, с. 72—76).

Наиболее сложным элементом является «гора с ниспадающими потоками воды» и «змей». По мнению В. В. Отрощенко, зигзаг, увенчанный треугольной, овальной или округлой головкой, можно интерпретировать как обозначение змеи (зигзаг — волна — змея) (3, с. 174). Обычно треугольники, с углами вершинами вниз трактуются как символы женского начала, вверх — мужского (6, с. 272—273). В данном же случае, вероятно, можно интерпретировать ряд вышеуказанных фигур (вершинами вверх), как попытку передать горы. Постепенное накопление археологических материалов свидетельствует в пользу существования изобразительной традиции, хотя, возможно, и не получившей широкого распространения у племен срубной культуры. В. В. Отрощенко считает, что ряд знаков срубного письма (пятая группа) связан с этой традицией и сохраняет «черты объектов, послуживших исходной моделью дня соответствующего знака» (9, с. 13).

Итак, на сосуде выстраивается ряд изображений, связанных между собой не только единой орнаментальной композицией, но и по смыслу. Благодаря этому исследователям представляется уникальная возможность «прочитать» изображенное на сосуде.

Считается, что носители срубной культуры уже обладали представлениями о структурной организованности пространства по вертикали и горизонтали, воплощали их в различных формах (9, с. 13), в том числе и с помощью изображений, знаков на керамике.

Исходя из отнесения срубников к древнеиранскому этносу (10, с. 105—106), попытаемся сравнить изображения на сосуде с древнеиранской и близкой ей индоарийской мифологией. Ввиду представлений индоиранцев о тернарно-бинарной структуре мира (11, с. 105—106), можно, вероятно, говорить о том, что подобная система мироздания изображена на нашем сосуде. В рассматриваемом случае, возможно, «верх» и «низ» объединены, или изображение «низа» не входило в замысел художника, что в принципе не противоречит представлениям индоиранцев о строении мира.

В иранской и индоарийской космологии существовало представление о священных горах Хара Березайти (санскр. Меру) с их высочайшей вершиной Хукарья (санскр, Мандара) — центре мироздания, вокруг которой вращаются светила (12, с. 53—56). С вершины Хукарья низвергается вниз мифическая река Харахвати-Арэдви-Сура (санскр. Сарасвати) — богиня вод и плодородия, средоточие мировых вод (на сосуде — «гора с ниспадающими потоками»).

Молись великой, славной,
Величиною равной
Всем водам, взятым вместе
Текущим по земле.
Молись текущей мощно
От высоты Хукарья
До моря Ворукаша.
(Авеста, Яшт 5, 1, 3).

Изображение змеи соответствует индийскому мифу, говорящему, что среди прочих обитателей на Меру живут и змеи (12, с. 40). «Змея», изображенная в «потоках

воды», может трактоваться как хранилище вод (в этом случае ее можно назвать ведическим именем Ахи Будхнья — «змея глубин», обитающий на дне потоков и являющийся их хранителем). Вообще, как известно, змеелочитание было распространено у многих индоевропейских народов (13, с. 253—292). Также, в этом изображении можно усмотреть и миф об убийстве Индрой змея Вритры, после которого Индра пустит через тело Вритры воды его отца Дану.

Через лежащего таким образом, как разрезанный тростник
текут, вздымаясь воды Дану.

Те которые Вритра (некогда) скозызал своей громадой

У их ног лежит теперь змей.

(Ригведа, Гимн Индре, 8).

На священной горе Меру (Хара) живут стаи дивных белых птиц (изображение гсбеда (?) на сосуде), растут прекрасные деревья в обильном цисту (12, с. 42) — «древо жизни» широко представлено в мировоззрении древних индоиригнцев (11, с. 96—100). Первым над священными горами восходит солнечный бог Митра, который часто изображался в виде быка, откуда он осматривает арийские земли (изображение «головы быка» на сосуде).

Который самым первым

Из всех божеств небесных

Над Харога восходит

Перед бессмертным Солнцем...

(Авеста, Яшт 10, IV, 13).

В древнем Иране существовали представления о «быке небес», в Индии с «небесным быком» ассоциировался Индра, подобные представления существовали в хетской и древнегреческой мифологии, а в обрядах таджиков сохранились до настоящего времени (14, с. 6f).

Таким образом, на сосуде мы видим, если не полное, то очень близкое соответствие индоарийским и древнеиранским мифологическим представлениям о строении мира. Рассматривая во взаимосвязи всю группу орнаментизированных изображений на данном сосуде, можно предположить, что перед нами одна из древнейших моделей мироздания срубных племен, находящая свое воплощение в образах животных и природы. Примечательно то, что сосуд происходит из детского захоронения. Тяготение сосудов со знаками и изображениями к таким погребениям отмечалось и ранее (3, с. 149—178), что, наверное, связано с отголосками древних верований и пока с трудом поддается объяснению. Одно из трех возможных направлений, выделенных В. В. Отрошенко, развития срубного письма связывается с изобразительной традицией (3, с. 174). По мнению авторов, это подтверждают представленные в данной статье изображения на сосуде.

ЛИТЕРАТУРА:

1. ФОРМОЗОВ А.А. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками//ВДИ. 1953. № 1
2. ТУРЧАНИНОВ Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. — Л., 1971.
3. ОТРОЩЕНКО В. В., ФОРМОЗОВ А. А. К проблеме письменности у чгемен Северного Причерноморья в эпоху раннего металла//Studia Praehistorika, - Sofia, 1988. — Т. 9.
4. БУРОВ Г. М. К вопросу о загадочных знаках на сосудах срубной культуры//Научные труды государственного педагогического Института. — Куйбышев, 1978. — Т. 221.

5. ОТРОЩЕНКО 8. В. Элементы изобразительности в искусстве племён срубной культуры//СА. — 1974. — № 4,
6. ТОПОРОВ В. Н. Геометрические символы//Мифы народов мира. — М.: Советская Энциклопедия. — 1980. — Т. 1.
7. РЫБАКОВ Б. А. Космогония и мифология земледельцев знеолита//СА. — 1968. — №2.
3. КОВАЛЁВА И. Ф. Социальная и духовная культура племен бронзового века. — Днепропетровск, 1989.
9. ОТРОЩЕНКО В. В. Идеологические воззрения племен эпохи поздней бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры)//Обряды и верования древнего населения Украины. — К.: Наукова думка. — 1990.
10. КУЗЬМИНА Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных//Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. — М., 1981.
11. РАЕВСКИЙ Д. С. Модель мира в скифской культуре. — М., 1985.
12. БОНГАРД-ЛЕВИН Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. — М., 1983.
13. АФАНАСЬЕВ А. Н. Древо жизни. — М., 1983.
14. АНТОНОВА Е. В., ЧВЫРЬ Л. А. Таджикские весенние игры и обряды и индоиранская мифология//Фольклор и историческая этнография. — М., 1983.

ИССЛЕДОВАНИЕ СКИФСКИХ КУРГАНОВ В ДНЕПРОВСКОМ НАДПОРОЖЬЕ А. Г. ПЛЕШИВЕНКО

Скифские памятники Днепроовского Надпорожья изучены довольно слабо (1, с. 4; 2, с. 95, 3, с. 64; 4, с. 46, 5, с. 95, 6, с. 74).

Настоящая публикация посвящена исследованию скифских памятников в 1985—1986 гг. у с. Новое Запорожье Запорожского района в зоне строительства Казачьей оросительной системы. Курганы располагались компактно и одиночными насыпями на пазобережном плато, ограниченном с северо-востока и юго-востока отрогами балки Средняя Хортица, а с северо-запада балкой Еремчина и были удалены на 15—17 км к западу от р. Днепр (рис. 1.1).

Исследовано 16 разновременных курганов, 7 из которых сооружены в скифское время, 5 погребений впущены в курганы эпохи бронзы. Из 17 скифских могил 12 ограблены в древности.

Насыпи всех скифских курганов (выс. от 0,5 м до 4,2 м, диаметром от 36 до 52 м) сооружены в один прием над единственным захоронением. Впускные детские погребения в к. 2 и к. 5 досыпкой кургана не сопровождалась. Что касается курганов эпохи бронзы, то в 4-х случаях (к. 4, 6, 11, 12) наличие или отсутствие досыпки не устакозлено в связи с сильной распашкой насыпей. В к. 16 оба скифских погребения сопровождалась досыпкой кургана.

Насыпи возведены из комковатого коричневого грунта с использованием материковой глины из рва (в к. 2 зафиксирован вал по кругу). Исключение составляет к. 13. Осноза его насыпи состояла из илистых вальков (высотой 3 м, диаметром 22—26 м) и перекрывалась плотным сероглинистым грунтом. Мощность этого завершающего формующего слоя у краев насыпи достигала 1,5—3 м (рис. 1.2).

¹- Все размеры даются от центрального репера.